

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ МАРГИНАЛИИ

Словообразовательный аспект лексического значения слова необходимо должен учитываться в его лексикографическом описании. Игнорирование этого требования может привести составителей словаря к ошибкам, а его читателя к разного рода недоумениям. Покажем это на примерах из исторических словарей русского языка.

1. Бѣгати — вѣгати

В 1-м выпуске Словаря русского языка XI–XVII в. имеется словарная статья следующего содержания:

«**Бѣгати**. 1. *Убегать, спасаться бегством*. Любитъ князь война стояштя и борющагося съ врагы, и овогда убо уязвляющтя овогда же уязвляема паче бѣгающтяго и оружие помештющтааго. Изб. Св. 1076 г., 581»¹.

Поскольку в словарной статье отсутствуют знаки ударения и грамматические пометы, носитель современного русского языка скорее всего прочтет эту статью так:

«**Бѣгати**. 1. *Убегать, спасаться бегством*. Любитъ князь война стояштя и борющагося съ врагы, и овогда убо уязвляющтя овогда же уязвляема паче **бѣгающтяго** и оружие помештющтааго. Изб. Св. 1076 г., 581 (знаки ударения реконструированы мной. — А. К.)».

При таком прочтении глагол *бѣгати* — *бѣгаю* является глаголом нелинейного движения, то есть суффикс *-а-* выражает значение разнонаправленного движения. Такое прочтение входит в противоречие с толкованием лексического значения, так как глагол *убегать* ‘спасаться бегством’ — это глагол линейного, однонаправленного действия, а также и в противоречие с иллюстративным материалом, ибо князь больше любит того война, который стоит на бое брани, бьется с врагом и то поражает его, то сам бывает поражаем, чем того, который (у)бегает, бросив оружие (а не бегает туда-сюда по полю брани, то есть находится в состоянии бега).

То же противоречие находим и в Словаре древнерусского языка XI–XIV в. Первое значение глагола *бѣгати* правильно толкуется так: ‘бежать, передвигаться бегом’, то есть как глагол линейного движения, что входит в противоречие с некоторыми иллюстративными материалами, если их читать с опорой на современное состояние языка, например: «Римлянинъ же нѣкъи ѿ коньникъ нарочити... гона на кони, вѣсхгивъ нѣкогю оуношю ѿ соупротивныхъ **бѣгающю** крѣпка тѣломъ и вѣвружена»². Очевидно, что юноша, крепкий телом и вооруженный, не занимался бегом трусдой, а спасался бегством от гнавшегося за ним конного римлянина, однако это значение в словаре является вторым. Еще более очевидно это в следующем примере: «преже аще мощно бѣгаи до конца торжища»; так как здесь даже указаны цель и направление движения, то ударение не может быть накоренным.

Глагол *вѣгати* в третьем значении правильно толкуется как глагол целенаправленного движения: «3. **Вѣгати** (кого-л., чего-л.), **отъ** (кого-л., чего-л.) *перен.* — *избегать*», но это опять входит в противоречие с иллюстративным текстом, если его прочитать с опорой на современное состояние языка: «Бѣгаи пиянства»³.

Для того чтобы выйти из этого противоречия, нужно вспомнить, что суффикс *-а-* был тройкого происхождения.

Суффикс *-а₁-* — это древний индоевропейский «аористный» суффикс, от которого образовывались разные формы прошедшего времени — аорист, перфект, причастие прошедшего времени, а также инфинитив, что понятно: если инфинитив — это отглагольное имя, то он обозначает «застывшее» действие, дело, вещь, эргон. Эта группа глагольных форм была совершенно независима от форм презенса [Мейе, с. 196–197].

Суффикс *-а₂-* — это алломорф дуративного суффикса **ē < *ē̄*, возникший после основ на заднеязычные согласные, подвергшиеся первой палатализации, после которых **ē > a*: **krik-ē-ti > *krič-ē-ti > кричати > кричать*, **bĕg-ē-ti > *bĕž-ē-ti > вѣжати > бежать*, **slūch-ē-ti > *slūš-ē-ti > слышати > слышать*. Суффикс *-а₂-* обозначал линейное движение или состояние, охваченность действием: *летѣти*, *тѣрпѣти*, *волѣти*, *смотрѣти*. [Мейе, с. 195–196; Селищев, с. 147].

Суффикс *-а₃-* возник из форм древнерусского имперфекта: *вѣг-ахъ*, *вѣг-ашѣ*. В связи с развитием категории вида имперфект как таковой утрачивается, а в его основе происходит переразложение: *бѣг-ахъ > бѣга-хъ*; основа *бѣга-* переосмысливается как основа со значением длительного действия во времени, то есть такого вида, который позже войдет в противопоставление «совершенный — несовершенный вид» в качестве второго члена; к этой основе присоединяется регулярный суффикс основы настоящего времени 3-го класса **je/*jo* — так возникают новые формы презенса

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. (далее — СЛРЯ XI–XVII в.). М., 1975. Вып. 1. С. 85.

² Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. (далее — СДРЯ). М., 1988. Т. I. С. 352–353.

³ СДРЯ. Т. I. С. 354.

бѣг-а₃-ю, -еши с инфинитивом бѣгати, к этой же новой основе бѣга- присоединяется суффикс перфекта (бѣга-лъ есмь), суффикс причастия прошедшего времени (бѣга-ви-ий) [Мейе, с. 203].

Что касается характера действия глаголов движения, то глагол бѣгати означал линейное, направленное движение, в отличие от других аналогичных глаголов, которые обозначают действие ненаправленное или разнонаправленное, лишённое цели: летать, гулять, гонять. Сравнение глаголов летать и летѣть, гоняти и гнати ясно указывает на различие в способе действия, разнонаправленного в первом случае и однонаправленного во втором. Прочие глаголы с суффиксом -а₃- обозначают длительное действие или состояние (желать) или способность к действию (читать по-китайски). Вероятно, в силу своего одиночества в этой группе бесприставочный глагол линейного движения бѣгати был утрачен, но его основа сохранилась в префиксальных производных, в которых роль указателя на направление движения взяла на себя приставки: вбѣгати, забѣгати, обѣгати, подбѣгати, прибѣгати, убѣгати; эти глаголы соотносительны по виду с глаголами с суффиксом -а₂-: вбежать, забежать, бежать, подбежать и пр.

По правилам комбинаторики из двух признаков возможны четыре сочетания: «+ +», «+ -», «- +» и «- -». Из предыдущего ясно, что в древнерусском языке были глаголы (с корнем бѣг-) первого типа, то есть определенные и предельные, — прибѣчь, прибѣжать, прибѣгнуть; глаголы второго типа, то есть определенные и неопределенные, — прибѣгати; глаголы третьего типа — неопределенные и предельные — невозможны, по-видимому, по логике вещей; осталась незаполненной четвертая логически возможная ниша — глаголы неопределенные и неопределенные. Она была заполнена следующим образом: в глаголе бѣгати/бѣгаю происходит перетяжка ударения с суффикса на корень, благодаря чему возникает абсолютное значение 'находиться в состоянии бега'. По-видимому, неправ был А. Мейе, когда писал, что бесприставочная «форма бѣгати, где древнее *é* сохранило старое ударение⁴, стала формой простого неопределенного глагола» [Мейе, с. 243]. Дело в том, что от основы бѣга₁- с «аористным» суффиксом -а₁- нельзя образовать формы презенса, только формы аориста, имперфекта, инфинитива, причастий прошедшего времени; следовательно, глагол бѣгати/бѣгаю — это новообразование с новоаккутовой интонацией. Насколько можно судить по довольно смутным лексикографическим источникам, не различающим двух омонимов бѣгати и бѣгати, этот глагол нелинейного движения бѣгати с абсолютным значением 'находиться в состоянии бега' появился довольно поздно — не ранее XVII в.: «Дѣти, егда из училища отпустятса... не должны ствуютъ вопльствовати... ниже паки бѣгати подобаетъ яко скоточь склю и овамю Гражд. об. дет., 53. XVII в.»⁵.

Таким образом, составителям словарей, по-видимому, следовало различать два близких по значению, но не тождественных глагола бѣгати и бѣгати, то есть два омографа, которые нужно было оформить в виде двух словарных статей, подобно тому, как различаются и оформляются глаголы летати и летѣти, и затем распределить иллюстративный материал по этим статьям. Например, фраза «Ико лѣкати дхъ ѿгнаса ѿ теке крщныа», ходи по безводныа лѣсто⁶. ица дшь не имѣши⁷ крщныа. и не оврѣтаа таковухъ възвращаетса паки в та его же остави. и оврѣ⁸ добродѣделью хъ в товѣ вселшаса бѣгати»⁶ должна попасть в статью «Бѣгати».

То же относится и к глаголу побѣгати. Этот глагол утрачен современным русским языком, но в древнерусских памятниках он еще употреблялся как глагол линейного однонаправленного движения: «Побѣгати¹. Бежать, отступать. ... А псковичи с ними бишася, побѣгая к городку, и побиха литвы много, и тако вбѣгше в Котелно и затворишася. Псков. лет. II, 41. Турки... бяхуса съ греки; греки же, бьюшася съ ними, побѣгааху отъ нихъ. Пов. о Царьграде, 20. XVI в. ~ XV в.»⁷. Для предупреждения возможного недоумения составителям словаря следовало бы поставить знак ударения: побѣгати, побѣгааху.

Составители словаря решили, что у глагола побѣгати есть омоним — глагол совершенного вида: «Побѣгати². Совершить побег (о нескольких или многих). А побѣгали тѣ люди и животь Петра Семеновича поносили. АХУ III, 180. 1636 г.»⁸. На наш взгляд, это неверно: перед нами все тот же глагол несовершенного вида линейного движения побѣгати 'бежать', в который приставка по- вносит оттенок итеративности.

Подтверждением нашей правоты служит чтение 2 Цар 19: 3 по тексту Острожской Библии: **И оукрадахуса людіе втої днь въходяще въ град, якоже крадущеса людіе осрамленіи, и ввегда бѣгати имъ ѿ браніи**

⁴ То есть старую аккутовую интонацию. — А. К.

⁵ СЛРЯ XI–XVII в. Вып. 1. С. 85.

⁶ СДРЯ. Т. I. С. 353.

⁷ СЛРЯ XI–XVII в. М., 1989. Вып. 15. С. 119.

⁸ Там же.

члѣнѣвъ ѣсть црѣ ѡгнѣ своеѣмъ • ꙗкоу,
 крадахуся людіе въ той днѣ въходѣ
 црѣ въ градъ, ꙗкоже крадущеся людіе
 ѡбраменинѣ, ꙗкоже въ градѣ имѣтъ
 ѡбранинѣ • ꙗкоже створи лице свое,

Ударение на суффиксе показывает, что это глагол линейного движения, как и греч. φεύγω 'to take flight'⁹.

Однако в Елизаветинской Библии под давлением системы русского языка ударение передвигается на корень, что ведет к искажению смысла:

своеѣмъ • ꙗкоже крадахуся людіе въ той
 днѣ, ꙗкоже въходятъ въ градъ, ꙗкоже
 крадущеся людіе побраменинѣ, ꙗкоже
 въ градѣ имѣтъ на брани • ꙗкоже створи
 лице свое,

Перемена ударения повлекла за собой и замену предлога: вместо *отъ брани* — *на брани*, что совсем обесмысливает текст; ср. синодальный перевод: «Народ входил в город, стараясь не шуметь, как люди, которые стыдятся, когда бегут с битвы» (2 Цар 19: 3).

2. Баѣати — баѣати

Сходная картина наблюдается и в паре *баѣати* — *ваѣати*. В Словаре русского языка XI—XVII в. эти два глагола не различаются; здесь это один глагол с тремя значениями: «**Баѣти**. 1. *Ворозить (наговорами, заклинаниями)*. ... 2. *Рассказывать басни, вымыслы*. ... 3. *Говорить, болтать*»¹⁰.

То же и в Словаре церковнославянского и русского языка: «**Баѣать**, баю, баешь, гл. ср. Простон. 1) Говорить, разговаривать. ... 2) Церк. Заговаривать, ворожить»¹¹.

Баѣати — это глагол 1-го класса (*баю, баешь... бают*) с суффиксом *-а₁-*, а *ваѣати* — это глагол 3-го класса (**баяю, *баяешь... *баяют*) с суффиксом *-а₃-*; бесприставочный глагол *ваѣати* не сохранился в современном русском языке, но его префиксальный производный глагол *оваѣати* > *обаять* сохраняет то же место ударения и отличается от производящего только совершенным видом. Таким образом, как и в предыдущем случае, глаголы *ваѣати* — *ваѣати* являются омографами, значения которых сильно разошлись уже в древнерусский период, что и отражено в исторических словарях, однако наличие разных суффиксов дает основание считать их разными словами и помещать в отдельные словарные статьи. С этимологической точки зрения эти два глагола представляют две линии семантического развития одного корня:

- 1) 'говорить' > 'болтать, пустословить' > 'сочинять небылицы';
- 2) 'говорить' > 'заговаривать (боль)' > 'колдовать, ворожить' > 'очаровывать, увлекать'.

То же нужно сказать и об отглагольном имени *баѣание*: «**Баѣание**, с. 1. *Волшебство, колдовство*. ... 2. *Вымысел, выдумка*. ... || *Пустословие, болтовня*»¹². По основаниям, изложенным выше, здесь также следует видеть не два значения одного слова, а два имени-омографа: 1) *ваѣание*, 2) *баѣание*. Отчасти это различие отражено в Словаре церковнославянского и русского языка: здесь нет словарной статьи «Баѣание», но есть статья «**Баѣание**, я, с. ср. Церк. Заговариваніе, ворожба. *Непреложенъ явился еси, ни словеса волшебными, ни разумомъ Перскаго баяніа прельщенъ*. Мин. мѣс. Авг. 7)»¹³. Ср. в славянском тексте «Канона на Преображение Господне» по обиходной служебной Минее: *ꙗкоже створи лице свое, ꙗкоже крадущеся людіе побраменинѣ, ꙗкоже въ градѣ имѣтъ на брани • ꙗкоже створи лице свое*.

Как видим, нечеткое представление о словообразовательной структуре и словообразовательном значении слова способно привести к недоразумениям и даже ошибкам лексикографического описания.

Литература

- Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
 Селищев А. М. Старославянский язык. М., 1952. Ч. II.

⁹ Liddel H. G. & Scott R. Greek-English Lexicon. Oxford, 1996.

¹⁰ СЛРЯ XI—XVII в. Вып. 1. С. 83.

¹¹ Словарь церковнославянского и русского языка (далее — СЦРЯ). СПб., 1847. Т. I. С. 26.

¹² СЛРЯ XI—XVII в. Вып. 1. С. 83.

¹³ СЦРЯ. Т. I. С. 26.

